

ИСТОРИЯ

М.В. НОВИКОВ, Т.Б. ПЕРФИЛОВА

Р.Ю. Виппер и историческое образование: вопросы дидактики

В нашей статье, опубликованной в предыдущем номере, рассмотрены некоторые теоретико-методологические предпочтения выдающегося отечественного историка Р.Ю. Виппера, которые находили свое отражение как в чисто научных, так и в учебных работах автора [1]. Здесь же речь пойдет о том, какие дидактические приемы использовал Р.Ю. Виппер как профессор в своей преподавательской деятельности. Напомним, что после окончания Московского университета со званием кандидата он с 1880 года учительствовал в московских гимназиях, впоследствии в разное время преподавал в 4-х университетах: Новороссийском (Одесса, 1894-1897 гг.), Латвийском (Рига, 1924-1941 гг.), Среднеазиатском (Ташкент, 1941-1943 гг.), Московском (1891-1894, 1897-1922, 1941, 1945-1954 гг.) [2]

Талант Р.Ю. Виппера, по мнению Д.М. Володихина, одного из специалистов по его творческому наследию, рельефнее всего проявился именно в лекционных курсах и учебниках [3]. Бывшие студенты Роберта Юрьевича, в частности, Н.М. Дружинин, отзывались о нем как о замечательном лекторе, умевшем и семинары вести на необыкновенно высоком уровне [4]. Имя Р. Ю. Виппера было хорошо знакомо преподавателям средних и высших учебных заведений России, так как он на страницах журналов «Историческое обозрение», «Русская школа», «Вестник воспитания» поднимал актуальные проблемы школьного преподавания истории, принимал участие в дискуссии о задачах новой исторической науки, обсуждал вопросы содержания и методов изучения истории в школе [5]. Р. Ю. Виппер был членом Исторического общества при Московском университете, выполнял обязанности секретаря исторической секции Педагогического отдела Общества распространения технических знаний.

Большой педагогический опыт ученого получил отражение в многократно переиздававшихся учебниках для школ, написанных им по древней, средней и новой истории [6]. Учебные издания Р. Ю. Виппера пользовались огромной популярностью. Секрет их успеха раскрывают рецензии, в которых отмечают самостоятельность и оригинальность суждений автора, свежесть и широта его взглядов, мастерское, интересное изложение материала, ясный, выразительный язык [7]. Во введении и к вузовским, и к школьным учебникам по истории Древнего мира Р. Ю. Виппер четко формулировал цель исторического курса, которая отражала его историческую концепцию или фокусирование научных интересов, а также представления о предназначении учебника.

В учебниках Р.Ю. Виппера по истории есть не только неожиданные ракурсы исследования, непредубежденность взглядов, оригинальность мыслей и выводов. На наш взгляд, в них имеется немало учебно-методических находок, которые уже в наши дни прочно вошли в арсенал вузовских учебных изданий.

Судя по содержанию лекций, представленных в форме учебников, Р.Ю. Виппер был сторонником проблемного обучения. Каждый раздел его учебников содержит одну или несколько проблем, составляющих композиционную структуру фрагмента, параграфа, главы в целом. Рассуждая над характером проблемы и рассматривая ее с разных сторон, Р.Ю. Виппер имел возможность изложить собственную версию эпизода из истории, обосновать собственную, нередко не стыкующуюся со взглядами предшественников и коллег точку зрения.

Р. Ю. Виппер – преподаватель с большим стажем и опытом – понимал, какое значение в процессе обучения имеет повторение ранее изложенного или изученного материала. Исторический процесс при этом приобретал свои отчетливые очертания в совокупности взаимных «сцеплений», предоставляя учебную возможность проследить в нем основные факты генезиса. Еще важнее была роль повторений, производимых уже в новом историческом контексте; это давало возможность автору, используя сравнительно-исторический метод, более детально и всесторонне произвести задуманные научные «разыскания».

Одним из наиболее распространенных приемов, используемых Р. Ю. Виппером, следует назвать сравнение. Он не только сравнивает процессы и явления исторического развития Греции и Рима, что в рамках разделяемой им концепции существования единой греко-римской цивилизации

может выглядеть вполне логично [8]. Наряду со сравнением близких в хронологическом плане и в чем-то схожих исторических феноменов греко-римского мира он широко использует диахронический ракурс сравнения, привлекая в качестве примеров отдаленные по отношению к античной эпохе образцы, которые лишь внешне, но не по своей сути напоминают описываемые им античные прототипы. Демонстрируя при этом свой обширный кругозор, богатство познаний, он одновременно при помощи привлечения данного методического приема раскрывает свои представления об особенностях протекания исторического процесса. Прежде всего, Р. Ю. Виппер акцентирует внимание на том, что он разделяет теорию «исторического круговорота», но не исторического прогресса, полагая, что в истории каждого народа и государства существуют схожие этапы рождения, роста, расцвета, кризиса, упадка и гибели, которые, поочередно сменяя друг друга, создают условия для нового рождения или возрождения аналогичных исторических явлений, хотя и в новой исторической среде. Следовательно, в рамках совершенно различных культур он склонен обнаруживать повторяемость довольно узкого круга идей, которые укладывались в одну и ту же схему исторического движения [9].

Идея круговорота позволяла исследователю обнаруживать параллели и аналогии между историческими судьбами народов земли, создававших свои общественно-политические структуры и системы в новых историко-культурных условиях, отличных от античных.

Прибегая к методу сравнения, Р. Ю. Виппер вместе с тем постоянно подчеркивал полное доверие к исторической концепции своего учителя, В.О. Ключевского, согласно которой сравнительно малое количество «первичных элементов развития», «коренных исторических сил», «основных культурных элементов», «простых элементов исторической жизни» и ограниченный набор их комбинаций объясняют повторяемость исторических элементов на разных этапах исторического пути народов; все богатство отличий, существующих между народами и стадиями их истории, представляет собой проявление общих начал, их вечных свойств и способностей [10].

Будем также иметь в виду, что особый интерес, проявляемый Р. Ю. Виппером именно к античному разделу истории, и использование античных сюжетов как необходимого элемента бинарной оппозиции при приеме сравнения объясняются его соображениями о том, что именно древнее общество впервые испытало переживания, перенесло душевные бури, порывы фантазии, полеты мысли и наблюдения над миром, «подобные нашим», и этот первый опыт, «составляющий содержание жизни далеких поколений в разных широтах, в разные эпохи», обладает наибольшей ценностью в силу его новизны, естественности, чистоты исторического эксперимента [11].

На наш взгляд, использование приема исторического сравнения имеет свои существенные ограничения. Его можно считать оправданным, если благодаря его применению облегчается процесс создания ассоциаций по форме, функциям, размерам. К примеру, искажений античной истории не произойдет, если афинский Совет 500, созданный Клисфеном, для облегчения процесса объяснения и последующего запоминания учащимися сравнивать с парламентами европейских государств XIX в. К такому сравнению и прибегает Р. Ю. Виппер, ориентируясь на познания своей аудитории.

В этом сравнении отмечены сходства и различия афинского Совета 500 времен Клисфена и европейских парламентов XIX в. Сходства проявлялись в выборности и сменяемости избранников народа, подотчетности их деятельности, контроле со стороны вышестоящих органов власти или избирателей. Различия определялись временем существования этих органов власти: в Европе не было демов, количество депутатов европейских парламентов определялось не только местом жительства избирателей, но и нередко их сословной принадлежностью. Очевидно, что в учебных целях приведение этой аналогии и организация работы по сравнению общего и особенного могли быть действительно полезными.

Иной характер приобретают аналогии, в которых за основу сравнения берутся лишь внешние совпадения (по названию, образу жизни и деятельности). Не укорененные в конкретном историческом основании, вызвавшие процессы и явления к жизни, аналогии могут вызвать ошибочные ассоциации, и искажение истории в этих случаях неизбежно.

Так, Р.Ю. Виппер находит приемлемым сравнение Греции, раздробленной на мелкие, разобщенные между собой греческие общины – «кантоны» – с кантональным устройством Швейцарии. «Это тоже страна разобщенных долин и замкнутых кантонов, – сообщает он об особенностях внутреннего развития Швейцарии. – И в Швейцарии горные проходы имеют огромное... решающее историческое значение». Отличие Швейцарии от Эллады состоит в том, указывает автор, что народы этой горной европейской страны смогли создать взаимовыгодный

союз для установления господства над альпийскими проходами. В Греции такой союз был не нужен, так как каждый кантон мог защитить свой горный проход без помощи соседей.

Как видим, в этом случае сравнение появляется из обнаружения внешнего сходства природной среды Балканской Греции и предальпийской Швейцарии. На основе случайно возникшей ассоциации были предприняты рассуждения о наличии совпадений в истории этих двух европейских народов, существовавших в разное время. Сравнение вылилось в поверхностное наблюдение, в то время как сущность полисного строя Древней Греции осталась невыясненной, а задача рассмотрения причин, препятствовавших созданию единого общеэллинского государства, – не до конца решенной.

Продолжая изучать методические новации Р.Ю. Виппера, обратим внимание на наличие в учебниках по истории Древней Греции разделов, посвященных историографическому анализу и источниковедческой критике книг и источников, предназначенных для студентов высшей школы. В учебниках Р.Ю. Виппера гораздо обстоятельнее историографического анализа представлены обзор и оценка источников. Профессор предстает перед нами большим знатоком античного исторического наследия: сочинений Аристотеля, Плутарха и особенно Фукидида.

По мнению К. Н. Успенского, VII и VIII главы «Истории Греции...», посвященные Пелопоннесской войне, социально-культурной истории Афин, являются «лучшими во всей исторической литературе» [12]. Объяснением совершенства именно этих разделов К.Н. Успенский считает опору Р.Ю. Виппера на «Историю» «крупнейшего гения исторического мастерства» Фукидида. Будучи мастером выявления деталей, не замеченных ранее характеристик, Р.Ю. Виппер смог извлечь из сочинения Фукидида сведения, опускавшиеся ранее за ненадобностью, полагает К.Н. Успенский. Это позволило автору учебника по-новому взглянуть на историю роковой, переломной Пелопоннесской войны и «по-своему продуманно и изящно» изобразить и картины внутренней истории Греции, и чисто батальные сцены [13].

Однако если к Фукидиду Р.Ю. Виппер относился как «тонкий и глубокий ценитель», то к Плутарху и особенно Аристотелю он не проявлял должного пиетета. Сомнения в правильности методов изучения ранней греческой истории самого Аристотеля и представителей его научной школы не позволяли Р.Ю. Випперу доверять полученной из источников информации и руководствоваться сохранившимися трудами мыслителя. Почти каждое обращение к фрагментам сочинений Аристотеля вызывает у Р.Ю. Виппера сомнения и протест, что выливается в длинные пассажи «исправления ошибок», развенчивание авторитета греческого ученого и переписывание афинской истории по випперовским «умственным разрезам».

Так, он считает, что историю Афин с конца VII в. и до конца VI в. невозможно восстановить в деталях, опираясь только на труды Аристотеля. Имя Аристотеля у него, в отличие от его современников, не вызывает «суеверного преклонения». Он не может руководствоваться трудами Аристотеля, который не проявил добросовестности и научной компетенции при воссоздании истории Афин, не привлекал летописей, хозяйственных документов, воспоминаний очевидцев событий. Его мысль была готова только описывать «живые современные учреждения» и по аналогии с ними реставрировать прошлое, поэтому, делает вывод Р.Ю. Виппер, Аристотелю нельзя доверять при изучении реформ Солона и раннегреческой тирании. Р.Ю. Виппер был склонен доверять только второй части «Афинской политики», где Аристотель дал описание действующей конституции Афин, хорошо ему знакомой, изложив информацию без прикрас и без оглядки на противоречивую общественно-политическую мысль времени его жизни.

Р.Ю. Виппер сдержанно относился и к наследию Плутарха, хотя не мог не признать, что этот греческий историк, в отличие от Аристотеля, «проще и объективнее относился к своему материалу». В биографии Перикла Плутарх смог передать, считает Р.Ю. Виппер, результаты сложной работы, сделанной им на основании разрозненных исследований предшественников, а также мемуарных и литературных свидетельств. Но «по характеру своих сведений и по своей тенденции Плутарх не мог дать исторического образа эпохи и не мог выяснить социально-политической обстановки Афин в... 460–430 гг. Не заботясь о хронологической последовательности и точной характеристике партий и программ, он поместил свой материал в рамках моральной характеристики Перикла». Р.Ю. Виппер сожалеет о том, что позднейшие историки, преклоняясь перед талантом Плутарха, игнорировали недостатки «Сравнительных биографий» и без должной проверки использовали оценку политических идей, деятельности и личности Перикла, данную всего лишь мастером политической биографии, а не историком-исследователем, для вынесения прямого или косвенного приговора режиму афинской демократии и всей истории афинской державы V в. до н. э.

Резкую критику античной историографии Р.Ю. Виппера не разделяли ни его современники, ни историки советского времени [14]. К примеру, В.П. Бузескул осуждал Р.Ю. Виппера за «столь скептическое отношение к свидетельствам Аристотеля и Плутарха» [15]. Используя то же нарративное достояние античности, что и Р.Ю. Виппер, В.П. Бузескул не мог не заметить сбивчивого и противоречивого характера «Афинской политики» Аристотеля в разделах, освещавших реформаторскую деятельность Солона. Вместе с тем В.П. Бузескул не считал возможным подвергать сомнению проведение Солоном серьезных экономических и политических преобразований, так как он был склонен видеть, в отличие от Р.Ю. Виппера, «в исторической традиции об афинской старине все же больше достоверного, чем допускает он» [16].

Со своей стороны заметим, что обзор исторических источников очень важен для осмысления студентами особенностей античной историографии, основных проблем ее формирования, тенденций развития. Благодаря всестороннему анализу источников автор учебника имеет возможность сосредоточить внимание читателя на степени достоверности, точности, глубине изложения одних и тех же событий историками античности, разделявшими противоположные убеждения, жившими в разные эпохи, включенными в контекст описываемой эпохи или исключенными из него, что, в свою очередь, дает автору право либо отказаться от освещения запутанных, тенденциозных, противоречивых аспектов изучаемой проблемы, сосредоточив усилия на анализе бесспорных и достоверных данных, либо, наоборот, показать свое мастерство при работе над сомнительными сведениями, допускающими разные версии интерпретации событий и явлений прошлого. В учебнике также важно показать разнообразие подходов в оценке процессов и явлений, которые появляются в современной науке, в связи с обнаружением в источниках (пусть даже тенденциозных и поверхностных) новых смыслов ранее скрытой от взоров исследователей информации. Однако мы полагаем, что страницы учебных изданий нельзя превращать в полигон для апробирования авторской концепции исторического развития народов: этой цели служат научные журналы, дискуссии в сообществах профессионалов. Поэтому мы считаем недопустимым методическим приемом постоянное пресечение связной нити изложения, как это делает Р.Ю. Виппер, только ради того, чтобы в очередном параграфе снова и снова возвращаться к уже обозначенной теме: изложению авторской позиции в оценке античных источников, с целью порождения недоверия ко всей античной традиции или отдельным ее представителям.

Вместе с тем мы убеждены в том, что стремление Р.Ю. Виппера «погрузить» студента в сложный процесс поиска научной истины похвально, поэтому приветствуем наличие в его учебниках источниковедческих экскурсов, хотя они порою бывают громоздкими по объему и резкими по содержанию.

Р.Ю. Виппер, критиковавший «философию истории» за догматизм и умозрительность выводов, демонстративно подчеркивал свой разрыв с наукой XVIII в. На практике это проявлялось в том, что он отказывался использовать принятую периодизацию древнегреческой истории [17], не придерживался жестких правил при создании своих учебников, не любил однозначных суждений, жестких определений понятий, требовавших отказаться от «текучести» рассуждений и сосредоточиться на главном, строго конкретном.

Процесс формулирования определений, раскрытия сущности понятий был для него, любителя многоплановых рассуждений, наиболее тяжелым и скучным, как нам показалось, занятием. Р.Ю. Виппер постоянно «растягивает» процесс «кодифицирования» краткого, точного знания, и сущность понятия поэтому предстает не сразу, а в ходе дополнительного его «обмозгования» в новом контексте. Кроме того, отметим, что при повторном введении понятия нередко изменяется первоначально данное ему определение.

К примеру, в главе «Героический век» «Истории Греции...» Р.Ю. Виппер вводит определение понятия «фратрия». По его мнению, это «более тесный», чем племя, союз. «Кто не состоит в союзе фратрии, тот – волк, которого всякий может убить; у него нет очага, он не имеет оседлости, не может жить среди людей». В главе III «Начало городской жизни» фратрией назван жертвенный союз.

Иногда для создания представления о понятии Р.Ю. Випперу требуется использовать все свое мастерство рассказчика. Так, к примеру, вводится им понятие «демагог». Не ограничившись характеристикой «демагога» как «вождя партии», Р.Ю. Виппер начинает объяснять далее, что демагог – это «своеобразная фигура в афинском демократическом строе: нигде демагогия не складывалась в такой определенной тип, а главное – нигде не является в такой мере правильно действующим, руководящим правительственным элементом, как в Афинах. Правда, и в Риме

влиятельному или должностному лицу приходилось выступать в качестве демагога, то есть агитатора, народного оратора, но лишь... при критических выборах или проведении крупного закона: с другой стороны, демагогия в Риме могла быть формой оппозиции или даже могла принимать революционный характер: такова была демагогия трибунов конца республики. В Афинах демагогия – правильный фактор текущей политической жизни: руководящий демагог – это хотя и не официальный, но главный министр самодержавного народа: от него исходят инициатива, программа политики, он дает главное направление работе политических органов. У демагога было одно условие для проведения последовательной политики: он мог долго и непрерывно удерживать свое положение: это зависело от прочности в организации партии, от степени доверия, которое имел народ в массе к своему руководителю и к его программе. Когда партия ослабевала, распадалась или когда доверие к руководящему политику падало, он должен был уступать место другому вождю, другому демагогу, опиравшемуся на другую партию и другую программу».

Мы специально привели весь фрагмент целиком, без купюр, для того чтобы подчеркнуть, как трудно исследователю было сконцентрироваться на чем-то наиболее существенном, самом главном при формулировании понятия. Из цитаты видно, сколько раз в предложениях им используется двоеточие: Р.Ю. Виппер уточнял и конкретизировал каждую высказанную им мысль, и эта дробность, соединенная со скрупулезной детализацией, позволяет судить не только о сложности и многогранности исторического феномена, сущность которого невозможно выразить сжато, жестко, коротко, представить в виде сгустка мыслей. Видимо, подобная манера изложения, выражавшаяся в склонности Р.Ю. Виппера к распространенности, детализации, «объемности» изображения, является показателем отношения ученого к конкретному явлению или факту истории: все конкретное, каким бы простым на первый взгляд оно ни казалось, представляет собой «сцепление» множественностей, и пока они не будут собраны воедино, сущность феномена будет оставаться нераскрытой.

Р.Ю. Виппер мог бояться краткого выражения сущности понятий и потому, что не всегда доверял данным источников и, кроме того, был хорошо осведомлен о безнадежно малом количестве сохранившихся от времен античности исторических свидетельств. Но он не зарекался от того, что источниковая база может когда-нибудь пополниться и новые данные внесут изменения в выводы, которые уже казались незыблемыми. Следовательно, он мог испытывать опасение прослыть невеждой в глазах новых поколений ученых, которые высмеют его за скороспелые и безнадежно устаревшие выводы.

Сосредоточившись на описании исторических феноменов и на указании их характеристик, вместо казавшегося ему неблагодарным и бесполезным процесса определения сущности понятий, Р.Ю. Виппер не только оберегал свой авторитет ученого, «примеряющего» на практике идеи эмпириокритицизма. Подобной манерой преподавания и презентации текста учебника он мог добиться формирования образного мышления у учащихся, отучить их от голой зубрежки, имевшей место в практике обучения при не востребованности умения улавливать смысл в каждом, даже самом скромном по значению сюжете исторического прошлого.

Образное мышление студентов помогал развивать и стиль представления учебного материала, который оставался легким, ярким, доступным даже при изложении Р.Ю. Виппером сложных, дискуссионных научных проблем. Автору учебников по древнегреческой истории принадлежит немало удачно найденных литературных оборотов: «жизненный нерв греческой области – сообщение ее с морем», «афинский Ареопаг составлял остаток аристократической старины», «дома без окон наружу и каменные ограды домов тянулись вдоль улиц мертвыми слепыми рядами», «афинская держава... пыталась увеличить свои ресурсы за окраинами тесного старого греческого мира», «комедии носили характер скоропреходящих фарсов, намеренно размалеванных и преувеличенных», и многие другие.

Методически грамотным можно назвать стремление Р.Ю. Виппера облегчить осмысление материала и упростить восприятие далекой и чуждой читателю исторической среды. Добиваясь этого, он, к примеру, переводит древнегреческие единицы измерения на понятный аудитории язык осуществления математических расчетов: драхмы и таланты переводятся в рубли, медимны – в четверти зерна.

В наших статьях, опубликованных в предыдущих номерах журнала [18], представлено обоснование обращения к творческому наследию отечественных историков XIX – начала XX веков, в том числе и Р.Ю. Виппера, имея в виду прежде всего теоретико-методологические основы высшего профессионального исторического образования. Здесь мы обратились к

рассмотрению некоторых дидактических приемов, которые использовал Р.Ю. Виппер при написании и школьных, и вузовских учебников. Как нам представляется, этот вопрос является более чем актуальным для современной России. При достаточно развитой дидактике школьного исторического образования мы имеем дидактику высшей школы, в том числе и исторического образования, в самом зачаточном состоянии. Современные учебники по истории для высшей школы, как правило, представляют собой либо скучный, либо не очень скучный текст с последовательным изложением основных событий и крайне редко содержат какие-либо дидактические изыски. То, что так быть не должно, – очевидно, об этом говорит и отечественный, и зарубежный опыт. Надеемся, что знакомство с творческой лабораторией Р.Ю. Виппера как автора учебников по истории для школ и университетов будет способствовать созданию новых, насыщенных дидактическими приемами учебников по истории для высшей школы.

Примечания

1. См.: Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Теоретико-методологические взгляды Р.Ю. Виппера // Ярославский педагогический вестник. 2007. № 2.
  2. Володихин Д.М. Критика теории прогресса в трудах Р.Ю. Виппера // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 153-154.
  3. Там же. С. 154.
  4. Там же.
  5. Виппер Р. Ю. Специальная подготовка преподавателя средней школы или поднятие его положения // Вестник воспитания. 1898. № 6; Его же. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука // Вестник воспитания. 1898. № 1.
  6. Виппер Р. Ю. Учебник древней истории (издавался в 1900, 1902, 1904, 1906, 1907, 1909, 1911, 1913, 1918, 1921, 1923 гг.); Учебник истории Средних веков (1911, 1912, 1916, 1922, 1923); Краткий учебник новой истории (1906, 1907, 1908, 1910, 1917, 1923).
  7. Бузескул В. П. Проф. Р. Ю. Виппер. Лекции по истории Греции. Ч. I. М., 1905 // Журнал Министерства Народного просвещения. 1905. Октябрь. С. 435, 436.
  8. Приведем пример одного из самых удачных, на наш взгляд, сравнений: «Особенности афинского строя [80-х гг. V в. до н. э.] должны будут выступать ясно перед нами, если мы сравним крупнейшую греческую [то есть Афинскую] республику с римской. В Риме за все время республиканского правления оставался в силе тот же порядок, который в Афинах отменили в 487 г., во главе дел стояли очередные, ежегодно сменявшиеся магистраты с законодательной инициативой, судебной и исполнительной властью, начальством над войском, правом распоряжения финансами... Очередь переходила в кругу немногих крупных фамилий... между ними могло происходить соперничество, но... противоположности более или менее сглаживались общими интересами в среде высшего общественного слоя... Эти общие интересы выражались в деятельности сенатской коллегии... В Афинах начало похоже на Рим. Архонтство в его старом виде с прямыми выборами определенных кандидатов отвечало правлению аристократии».
- Сравнение элементов греческой истории с римской встречается также на с. 93, 183, 200, 203, 212 «Лекций...».
9. Володихин Д. М. Указ. соч. С. 156, 161.
  10. Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976. С. 53–56.
  11. Виппер Р. Ю. Образовательное значение изучения античности // Круговорот истории. М., 1923. С. 104, 105.
  12. Успенский К. Н. Проф. Р. Виппер. История Греции в классическую эпоху. IX-IV вв. до Р.Х. М., 1916 // Голос минувшего: Журнал истории и истории литературы. 1917. Ноябрь-декабрь. № 11-12. С. 353.
  13. Там же.
  14. Данилова Н. П. Виппер как историк античности // ВДИ. 1984. № 1. С. 166; Черепнин Л. В. Основные черты кризиса буржуазной историографии // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. М., 1963. С. 241.
  15. Бузескул В. П. Указ.соч. С. 414.
  16. Там же. С. 418.
  17. В этой связи обратим внимание на подзаголовок «Истории Греции в классическую эпоху», где указаны даты классической эпохи, «IX–IV вв. до Р. Х.». Сам автор не объясняет, почему конец гомеровского периода, весь период греческой архаики и весь, с точки зрения современной науки, классический период он объединил в одну «классическую эпоху». Единством процессов внутреннего развития и одними только наивысшими, образцовыми показателями, которые обычно ассоциируются с греческой классикой, эта эпоха явно не обладала.
  18. Новиков М.В., Швецов В.В. Трансформации общества и кризис методологии исторической науки // Ярославский педагогический вестник. 2007. № 1. Новиков М.В.; Перфилова Т.Б. Теоретико-методологические взгляды Р.Ю. Виппера // Ярославский педагогический вестник. 2007. № 2.